Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-588-596

ГУРЧИАНИ Илья Зурабович,
аспирант 3 курса Юридического института
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург
e-mail: gurcianiila@gmail.com

ЭСТОППЕЛЬ В СИСТЕМАХ ОБЩЕГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ применения эстоппеля в системах общего и российского права с акцентом на правоприменительную логику судебного рассуждения. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, посредством которых последовательное поведение стороны трансформируется судом в юридически значимый предел последующего изменения ее позиции. Обосновывается, что в праве общего типа эстоппель функционирует как институционализированная доктрина прецедентного происхождения, обладающая типологически оформленными разновидностями и структурированной моделью доказывания, в рамках которой квалификация ситуации предшествует анализу фактических обстоятельств дела. В российском правопорядке, напротив, применение эстоппеля не опирается на самостоятельную нормативную конструкцию и осуществляется через судебную конкретизацию принципов добросовестности, запрета злоупотребления правом и правовой определенности, что предопределяет контекстуальный характер оценки поведения сторон и производный характер квалификации. Делается вывод о формировании автохтонной российской модели эстоппеля, встроенной в систему гражданско-правовых принципов и не сводимой к заимствованию англо-американских доктрин. Особое внимание уделяется пределам применения эстоппеля, которые в общем праве вытекают из структуры соответствующих доктрин, а в российском праве определяются действием императивных норм и публичного порядка. Обоснована функциональная универсальность эстоппеля как механизма защиты доверия при существенных различиях в юридической технике его реализации.*

Ключевые слова: *эстоппель; общее право; российское гражданское право; сравнительно-правовой анализ; правоприменительная логика; добросовестность; правовая определенность; защита доверия; противоречивое поведение; судебная квалификация; публичный порядок; автохтонная модель эстоппеля.*

GURCHIANI Ilya Zurabovich,
3rd-year postgraduate student,
Law Institute, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia

ESTOPPEL IN THE SYSTEMS OF COMMON AND RUSSIAN LAW: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT LOGIC

Annotation. *The article provides a comparative legal analysis of the use of estoppel in the systems of common and Russian law with an emphasis on the law-applying logic of judicial reasoning. The purpose of the study is to identify the mechanisms by which the consistent behavior of a party is transformed by the court into a legally significant limit for the subsequent change in its position. It is proved that in general type law estoppel functions as an institutionalized doctrine of precedent origin, having typologically formulated varieties and a structured model of proof, in which the qualification of the situation precedes the analysis of the factual circumstances of the case. In the Russian legal order, on the contrary, the application of estoppel is not based on an independent normative structure and is carried out through judicial concretization of the principles of good faith, prohibition of abuse of law and legal certainty, which determines the contextual nature of the assessment of the behavior of the parties and the derivative nature of qualifications. The conclusion is made about the formation of an autochthonous Russian estoppel model, embedded in the system of civil law*

principles and not reducible to borrowing Anglo-American doctrines. Particular attention is paid to the limits of the application of estoppel, which in common law follow from the structure of the relevant doctrines, and in Russian law are determined by the effect of imperial norms and public order. The functional universality of estoppel as a mechanism for protecting trust with significant differences in the legal technique of its implementation is substantiated.

Key words: *estoppel; common law; Russian civil law; comparative legal analysis; law enforcement logic; good faith; legal certainty; protection of trust; contradictory behavior; judicial qualification; public order; autochthonous estoppel model.*

Введение

Современное развитие гражданского права характеризуется возрастанием роли поведенческих факторов в судебной оценке частноправовых споров. В условиях усложнения гражданского оборота и снижения регулятивной достаточности формально-договорных конструкций суды все чаще обращаются к анализу фактического поведения сторон как самостоятельному источнику юридически значимых последствий. В этой связи особую актуальность приобретает принцип эстоппеля, выступающий механизмом ограничения противоречивого поведения и одновременно средством защиты доверия, сформированного действиями участника оборота. Эстоппель позволяет преодолеть формальное понимание субъективного права, смещая акцент с абстрактной юридической возможности на оценку того, каким образом данное право реализовывалось во взаимодействии с другими субъектами и какие ожидания при этом были порождены.

Вместе с тем сравнительно-правовое исследование эстоппеля требует выхода за рамки традиционного сопоставления нормативных форм и доктринальных определений. Несмотря на внешнюю универсальность функционального ядра эстоппеля, правоприменительные механизмы его реализации в системах общего и российского права демонстрируют принципиально различную логику судебного рассуждения. Если в странах общего права эстоппель выступает институционализированной доктриной прецедентного происхождения, обладающей устойчивой типологией и структурированной моделью доказывания, то в российском правопорядке он формируется как результат судебной конкретизации принципов добросовестности и правовой определенности. Данное различие предопределяет необходимость анализа не столько самой доктрины, сколько тех способов, посредством которых суды в различных правовых системах трансформируют последовательное поведение стороны в юридически значимый предел изменения ее позиции.

Материалы и методы

Материалами настоящего исследования выступили положения российского гражданского законодательства, судебная практика российских судов, а также доктринальные и учебные источники по праву общего типа и российскому гражданскому праву, посвященные принципу эстоппеля, добросовестности, защите доверия и правовой определенности. Особое внимание уделено научным работам, в которых раскрываются исторические формы эстоппеля в системах общего права, а также исследованиям, посвященным его восприятию и функциональной адаптации в российской цивилистике. Эмпирическую основу исследования составили модели судебного рассуждения, используемые при разрешении споров, связанных с противоречивым поведением стороны и последующим изменением ее правовой позиции.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и функциональный методы. Формально-юридический метод использовался для анализа содержания правовых норм и принципов, посредством которых в российском правопорядке обеспечивается запрет противоречивого поведения. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить механизмы применения эстоппеля в системах общего и российского права не только на уровне нормативных конструкций, но и на уровне судебной логики. Системный метод применялся для определения места эстоппеля в структуре частноправового регулирования и выявления его связи с принципами добросовестности, запрета злоупотребления правом и правовой определенности. Функциональный метод дал возможность установить, каким образом в различных правовых системах последовательное поведение стороны трансформируется в юридически значимый предел последующего изменения ее позиции.

Предметом анализа являлись не только формальные различия между правовыми конструкциями, но и практические способы судебной квалификации поведения сторон. В связи с этим исследование ориентировано прежде всего на выявление правоприменительной логики, лежащей в основе общего для сопоставляемых правопорядков механизма защиты доверия. Такой подход позволил показать, что при различии источников права и юридической техники

эстоппель в обеих системах выполняет сходную стабилизирующую функцию, однако реализуется через различные модели судебного рассуждения.

Литературный обзор

Проблематика эстоппеля получила значительное развитие как в зарубежной, так и в отечественной юридической науке, однако акценты исследований существенно различаются. В рамках англо-американской доктрины эстоппель традиционно рассматривается как самостоятельная правовая конструкция, сформированная судебной практикой и укорененная в системе equity (права справедливости). Основы систематического анализа эстоппеля как совокупности устойчивых юридических техник заложили классические труды Г. Бауэра [11] и К. Хэндли [13], тогда как в работах Э. Кука [12] и Г. Вирго [15] доктрина раскрывается через призму справедливости, защиты доверия и минимальных требований equity. Философско-правовое осмысление роли судебного усмотрения и поведения сторон в праве общего типа содержится в работах О. Холмса [14] и Р. Дворкина [3], которые заложили теоретические предпосылки восприятия последовательности поведения как нормативно значимого фактора.

В российской цивилистике интерес к эстоппелю активизировался сравнительно недавно и развивается преимущественно в контексте принципа добросовестности. Существенный вклад в формирование отечественного понимания эстоппеля внесли исследования М.З. Шварца [9] и К.А. Роор [6], в которых была обозначена проблема соотношения эстоппеля с традиционными конструкциями гражданского права и поставлен вопрос о допустимости его рецепции. Работы Ж.И. Седовой [7] и Н.В. Зайцевой [4] позволили раскрыть эстоппель как форму отрицания недобросовестного поведения и как инструмент защиты доверия в коммерческом обороте. В более прикладном аспекте эстоппель анализируется в трудах Е.Е. Якушевой [10] и А.А. Коваленко [5], акцентирующих внимание на судебной практике и связи эстоппеля с запретом злоупотребления правом. Вместе с тем, несмотря на наличие значительного массива исследований, в научной литературе до настоящего времени недостаточно разработан сравнительно-правовой анализ эстоппеля именно на уровне правоприменительной логики, что обусловливает актуальность настоящего исследования, ориентированного на выявление механизмов судебного рассуждения и формирование целостного представления об автохтонной российской модели эстоппеля.

Сравнительно-правовой анализ применения эстоппеля в системах общего и российского права требует выхода за пределы традиционного догматического сопоставления институтов и их исторической эволюции. Принципиально важно выявить не абстрактные элементы доктрины, а реальные механизмы судебного рассуждения, которые позволяют превращать эстоппель в функциональный инструмент разрешения споров. Именно правоприменительный срез, а не теоретико-концептуальные конструкции, обнаруживает подлинную природу рассматриваемого явления, поскольку эстоппель существует только там, где суды способны трансформировать последовательное поведение стороны в юридически значимую категорию, ограничивающую ее последующие утверждения. При этом в различных правовых семьях данная трансформация происходит по разным моделям: в странах общего права, опирающихся на прецедент и технически выверенные разновидности эстоппеля, она институционализирована [1], тогда как в российской системе – возникает как результат судебной конкретизации принципов добросовестности и правовой определенности.

Такой подход позволяет уйти от ошибочного представления о российском эстоппеле как о кальке или имитации зарубежных образцов. На уровне правоприменения обнаруживается не перенесенная механически доктрина, а сложный процесс внутренней адаптации: суды, не имея самостоятельной нормы и не опираясь на формализованные категории «estoppel by representation», «promissory estoppel» или «proprietary estoppel», тем не менее создают сходный по функции механизм, однако выводимый не из прецедента, а из закона, что формирует иной тип юридической логики: если система общего права стремится к типологической определенности, классифицируя случаи применения эстоппеля по их историческим видам, то российская система ориентирована на функциональную согласованность, позволяющую применять единый тест к различным контекстам и институтам [2].

Результаты

Применение эстоппеля в странах общего права представляет собой продукт длительной судебной кристаллизации. Суд, столкнувшись с противоречивым поведением стороны, оперирует устойчивыми юридическими конструкциями, каждая из которых обладает строгой структурой:

1) обещание или представление о фактах;
2) разумное полагание другой стороны на такие действия;
3) причиненный ущерб;
4) невозможность признания новой позиции стороны без подрыва справедливости в конкретной ситуации.

Такой алгоритм вызывает впечатление универсальности, однако он лежит на основании конкретной процессуальной среды, где доказательственные стандарты, статус прецедента и исторически закрепленные категории создают заранее заданную рамку для квалификации. Суд, рассматривающий спор, как правило, стремится определить, к какому типу эстоппеля относится ситуация, и применяет правила, выработанные в десятках или даже сотнях предыдущих решений, что формирует не только предсказуемость, но и определенную структуру судебного мышления: квалификация предшествует анализу фактов, и в рамках данной квалификации суд структурирует материалы дела.

Российская практика строится иначе – поскольку в отечественной правовой системе отсутствуют нормативно закрепленные виды эстоппеля и нет обязательства подведения фактической ситуации под определенную разновидность доктрины, судебное рассуждение ориентируется на поиск баланса между конкретной нормой и общими принципами добросовестности. В результате суд развивает иной, контекстуальный подход: прежде чем определить последствия поведения стороны, он исследует степень сформированности доверия, характер правовой определенности и влияние противоречия на стабильность отношений. Российский судья не спрашивает, какой вид эстоппеля применить, а спрашивает, допустимо ли изменение позиции, учитывая, что поведение стороны создало определенные ожидания у ее контрагента или у иных участников оборота [8].

Таким образом, квалификация возникает не как предустановленный этап, а как результат анализа фактической ситуации, и юридическое последствие формируется не в силу классификационной принадлежности, а в силу содержания поведения.

В данном различии проявляется фундаментальный контраст правоприменительных логик: если в общем праве доктрина структурирует факты, то в российском правопорядке – факты структурируют доктрину, и именно эта особенность позволяет говорить о формировании автохтонной (то есть сформировавшейся органично в рамках национальной правовой традиции, а не являющейся результатом правовой трансплантации) российской модели эстоппеля, поскольку итоговое решение является продуктом внутреннего развития континентального правопорядка, а не механической интеграции иностранного института.

При этом первый уровень сопоставления неизбежно выявляет сходства:

1) оба правопорядка исходят из убеждения, что недопустимо позволять стороне отрицать то, что она ранее подтвердила своим поведением, если другая сторона обоснованно полагалась на это;
2) оба правопорядка рассматривают последовательность поведения как источник юридической ответственности;
3) оба правопорядка считают, что правовая система должна защищать доверие, поскольку без доверия между участниками оборота невозможна стабильность имущественных отношений.

Тем не менее именно правоприменение показывает, что совпадение на уровне общего логического ядра не ведет к совпадению форм. Российская система защищает доверие не через признание самостоятельной доктрины, а через укрепление статуса добросовестности как универсального стандарта гражданского оборота, и эта разница постепенно кристаллизует особую архитектуру российского эстоппеля.

В методологическом плане сравнительно-правовой анализ показывает: исследовать эстоппель только на уровне догматики означает видеть лишь верхний слой, тогда как правоприменение раскрывает глубинный механизм – связь между формированием доверия, его юридической охраной и пределами, за которыми защита становится невозможной, причем именно пределы являются один из ключевых элементов сравнительной перспективы:

– если в странах общего права пределы эстоппеля закреплены в самой структуре видов данного принципа и предопределяются условием невозможности противоречить действующим императивным нормам или создавать обязательства там, где стороны их не предполагали;
– то в российской правовой системе пределов два – невозможность коррекции императивов публичного порядка и запрет использования эстоппеля для легализации ничтожных сделок, то есть правоприменение в данной части вырабатывает нормы без прямой опоры на иностранные аналоги, и именно оно позволяет наблюдать становление специфически российской модели, где эстоппель не автономен, а встроен в нормативную систему.

Так формируется исходная рамка настоящего параграфа, в котором предмет исследования – не доктрина в отвлеченном виде, а практические механизмы судебного применения принципа эстоппеля в двух различных правовых системах, выявление их точек соприкосновения и расхождений, а также реконструкция той российской модели, которая уже сложилась в решениях судов и приобретает черты нормативного стандарта. Дальнейшее исследование направлено на

то, чтобы из этой рамки вывести внутреннюю структуру отечественного правоприменения, показав, как российский эстоппель формируется через судебное толкование, какие черты он наследует от континентальной традиции и в чем принципиально отличается от моделей общего права.

Сопоставление российской и англо-американской практики демонстрирует, что, несмотря на системные различия в источниках и структуре права, оба правопорядка выстраивают эстоппель как механизм защиты доверия, возникшего из поведения стороны, и как предел на изменение ею своей юридической позиции, причем это родство обнаруживается не на уровне формальных категорий, а именно на уровне судебного рассуждения. Независимо от правовой семьи суд сталкивается с одинаковой проблемой: допустимо ли изменение позиции, если ранее поведение стороны создало у контрагента обоснованные ожидания? Именно этот практический вопрос определяет логику эстоппеля гораздо точнее, чем любые теоретические определения.

В системах общего права суды исходят из того, что последовательное поведение стороны (будь то заявление, умолчание, допускающее определенное толкование, или действия, выражающие намерение), создает нормативно значимые ожидания, которые становятся обязательными не в силу договора, а в силу недопустимости несправедливости. В данном контексте «representation» или «promise» (то есть внешне выраженное представление о фактах или обещание, независимо от его договорной силы) не просто описывают события, но становятся основанием для юридической защиты. Правоприменение подчеркивает, что решающее значение имеет добросовестное полагание (reliance): суд исследует не то, какие внутренние мотивы имела сторона, а то, какое доверие ее действия создали и какие шаги контрагент предпринял в ответ. Наконец, ущерб (detriment) не обязательно выражается в прямых потерях – достаточно ухудшения правовой позиции, если оно связано причинной связью с первоначальным поведением стороны. Данная триада позволяет суду установить, что последующее отрицание собственной позиции было бы несправедливым и потому недопустимым.

Российская правоприменительная практика развивается по сходной логике, хотя и опирается на иные нормативные основания. Российский суд не использует категорий «promise» или «reliance», но фактически воспроизводит их содержание, определяя:

– совершила ли сторона действия, которые могли сформировать у контрагента добросовестное ожидание?
– оценивал ли контрагент эти действия как выражение определенной воли?
– привели ли эти ожидания к действиям, ухудшающим его положение при последующем изменении позиции другой стороны?

Таким образом, отечественные суды, равно как и суды общего права исходят из того, что доверие, сформированное последовательным поведением стороны, требует защиты, поскольку правовая система, допускающая произвольное изменение позиции, теряет предсказуемость. Данная параллель особенно очевидна в ситуациях длительного исполнения обязательств: если англо-американская судебная практика трактует исполнение обязательств как поведенческое выражение согласия с условиями сделки, что препятствует последующему отрицанию их действительности; то российская правоприменительная практика, несмотря на иной нормативный язык, приходит к тому же выводу: если сторона принимает исполнение, пользуется результатами или совершает платежи по измененным условиям, она формирует у контрагента устойчивое уверение в признании сделки, и последующее оспаривание рассматривается как недобросовестная перемена позиции. Судебные акты, в которых суды указывают, что сторона своими действиями создала «правомерное ожидание» или что поведение «исключает возможность последующего отрицания», воспроизводят ту же функциональную логику, что и «reliance» в системах общего права.

Аналогия прослеживается в корпоративных отношениях, в частности: в странах общего права эстоппель традиционно служит инструментом ограничения возможностей участников и директоров ссылаться на факты, которые они ранее отрицали или утверждали, если их поведение сформировало ожидания у третьих лиц или акционеров; в России данная логика проявляется в ситуациях, когда контролирующее лицо долгое время исполняет решения, которые впоследствии стремится оспорить; когда участник общества принимает компенсацию, а затем оспаривает условия устава; когда органы управления инициируют сделки, но в последующем пытаются отрицать их последствия. Такие ситуации демонстрируют общий для двух правовых семей принцип: нельзя отделить поведение от ответственности, которую оно порождает.

Сходство наблюдается и в вещных отношениях: если в англо-американском правоприменении при реализации имущественного эстоппеля (proprietary estoppel) суды защищают доверие лица, осуществляющего фактическое владение имуществом, если собственник своим поведением создал устойчивое уверение в наличии у него прав; то российская практика, не используя

термин «proprietary», фактически воспроизводит эту модель, когда суд защищает добросовестное полагание лица, вложившего средства в объект недвижимости или получившего согласования органов власти, если последующее отрицание этих действий нарушает принцип правовой определенности. Хотя российские суды формулируют мотивировочное решение через нормы гражданского и земельного законодательства, решающим остается тот же элемент – защита ожиданий, сформированных поведением другой стороны.

Даже в наследственных и публично-правовых отношениях, где российская модель проявляет наибольшую специфику, обнаруживается сходство функционального ядра: если англо-американские суды применяют эстоппель против лиц, пытающихся занять позицию, прямо противоположную ранее заявленной, если это причиняет ущерб доверившейся стороне; то российские суды таким же образом ограничивают наследника, выбравшего один сценарий поведения, и публичный орган, создавший видимость определенных правомочий. Несмотря на различие контекстов, логика остается единой: поведение, способное вызвать доверие, связывает лицо и не может быть произвольно изменено.

Таким образом, независимо от различий в догматике, оба правопорядка создают один и тот же механизм стабилизации гражданского оборота – суд признает юридически значимым не только содержание сделок, но и поведение сторон как источник правовой определенности. В совокупности это позволяет утверждать, что функциональное ядро эстоппеля универсально и состоит в превращении последовательного поведения в юридический предел последующего отрицания. В данном смысле различие между системами общего и российского права заключается не в цели эстоппеля и не в его основании, а в юридической технике, через которую достигается тот же результат.

Обсуждение

Так, несмотря на универсальность функционального ядра, правоприменительные механизмы эстоппеля в российском и англо-американском праве демонстрируют глубокие различия, определяемые структурой правовых систем и характером источников права. Важно подчеркнуть, что данные различия не являются чисто теоретическими, напротив, они проявляются в каждом судебном решении, где суд сталкивается с вопросом о допустимости изменения позиции. Именно практическая логика правоприменения, а не доктринальные конструкции, показывает, что российский эстоппель не заимствованная доктрина, а самостоятельный механизм, созданный судами внутри континентальной правовой системы.

Принципиальное различие между системами общего и российского права проявляется прежде всего в логике судебного вывода о наличии либо отсутствии эстоппеля. В правопорядках общего права судебное рассуждение выстраивается в рамках заранее сформированной доктринальной архитектуры, где исторически кристаллизовавшиеся разновидности эстоппеля выполняют функцию исходных квалификационных матриц. Суд, сталкиваясь с противоречивым поведением стороны, первоначально соотносит фактическую ситуацию с определённым типом эстоппеля, выработанным прецедентной практикой, и лишь затем анализирует конкретные обстоятельства дела сквозь призму соответствующей доктринальной конструкции. Тем самым классификация выступает не результатом, а предпосылкой правовой оценки, задавая рамку допустимых аргументов, стандарты доказывания и пределы судебного усмотрения, что органично соответствует прецедентной природе источников общего права.

В российском правопорядке, напротив, судебное рассуждение развивается по инвертированной модели, в которой отсутствует необходимость предварительного отнесения спора к какой-либо формализованной разновидности эстоппеля. Суд исходит из первичного анализа фактического поведения сторон, последовательно исследуя характер совершённых действий, степень сформированности доверия, юридическую значимость возникших ожиданий и последствия их разрушения для устойчивости правоотношений. Лишь по завершении данного фактического анализа формируется вывод о допустимости либо недопустимости изменения позиции стороны, который и наполняется содержанием принципа эстоппеля через категории добросовестности и правовой определённости. Такая логика означает, что квалификация здесь не предшествует оценке фактов, а выводится из неё, что придаёт российской модели контекстуальный характер и трансформирует эстоппель из автономной доктрины общего права в метод толкования и оценки поведения участников гражданского оборота, независимый от формальной типологии и ориентированный на материальное содержание конкретной ситуации.

Второе фундаментальное различие между системами общего и российского права связано с источником юридической обязанности стороны сохранять последовательность своего поведения. В правопорядках общего права данная обязанность формируется непосредственно в результате прецедентной деятельности судов и представляет собой продукт длительной судебной эволюции. Эстоппель здесь выступает не как

производная от абстрактного принципа, а как самостоятельное нормативное образование, содержание которого закреплено в совокупности судебных решений и воспроизводится в правоприменении без необходимости законодательного оформления. Суд воспринимает прецедент как полноценный источник правовой нормы, тогда как доктрина выполняет вспомогательную функцию систематизации и объяснения уже сложившихся правил. В этом контексте эстоппель обладает собственным нормативным статусом и применяется как автономное правовое основание, способное непосредственно ограничивать изменение позиции стороны.

Российский правопорядок демонстрирует иную модель формирования обязанности быть последовательным, основанную не на прецеденте, а на законодательных принципах. Обязанность непротиворечивого поведения выводится судами прежде всего из общих положений гражданского законодательства о добросовестности и запрете злоупотребления правом, закреплённых в ст.1 и 10 ГК РФ, при этом эстоппель не оформляется в виде самостоятельной нормы или института, а функционирует как результат нормативной интерпретации, посредством которой суд конкретизирует содержание общих принципов применительно к фактическому поведению стороны. В такой конструкции эстоппель не подменяет собой правовую норму и не существует автономно, а служит инструментом раскрытия и практического наполнения требований добросовестности, что принципиально отличает российскую модель от систем общего права, где доктрина эстоппеля обладает самостоятельной регулятивной силой и применяется независимо от законодательных принципов.

Третье принципиальное различие между системами общего и российского права связано с пределами применения эстоппеля и характером их формирования в судебной практике. В правопорядках общего права данные пределы являются результатом длительной прецедентной кристаллизации и органично встроены в структуру соответствующих доктрин. Эстоппель функционирует здесь как технически выверенный механизм, который изначально ограничен рамками справедливости и не может выходить за пределы, установленные самой логикой прецедента. Судебная практика последовательно исходит из того, что эстоппель не способен порождать обязательство при отсутствии намерения стороны его создавать, подменять собой договорную конструкцию либо устранять требования закона, в том числе императивные предписания о форме сделок. Данные ограничения не формулируются как внешние запреты, а встроены в содержание конкретных разновидностей эстоппеля, что обеспечивает их внутреннюю согласованность и предсказуемость правоприменения.

В российском правопорядке пределы применения эстоппеля имеют иную нормативную природу и выводятся не из типологии доктрины, а непосредственно из закона. Судебное усмотрение здесь ограничено действием императивных норм гражданского и публичного права, а также требованиями публичного порядка, что предопределяет более жесткий характер ограничений. Эстоппель не может использоваться для легализации ничтожных сделок, замещения обязательных процедур, прежде всего в сфере распоряжения публичным имуществом, либо для нейтрализации действия императивных предписаний Гражданского кодекса Российской Федерации. Даже в тех случаях, когда поведение стороны, включая публичный орган, объективно сформировало доверие у контрагента, суд отказывает в применении эстоппеля, если такое доверие возникло в результате грубого нарушения закона. В результате российская модель демонстрирует повышенную чувствительность к публичному порядку и исходно исключает возможность трансформации принципа последовательности поведения в средство оправдания правонарушения, что принципиально отличает ее от моделей общего права, где пределы эстоппеля определяются прежде всего внутренней логикой соответствующих доктрин.

Четвертое различие связано с масштабом применения: если в странах общего права эстоппель преимущественно применяется в частных вертикалях – договоры, имущественные отношения, корпоративные конфигурации (публичный эстоппель существует, однако применяется крайне осторожно и обычно требует доказать злоупотребление властью, которое само по себе является исключительным основанием ответственности); то российская практика показывает противоположную тенденцию – именно публичный эстоппель развивается наиболее активно, поскольку российские суды рассматривают последовательность поведения публичного органа не просто как элемент справедливости, а как необходимое условие функционирования правовой определенности, причем органы власти в российской практике несут более высокую ответственность за нарушение доверия, чем частные лица, – тенденция, которая отсутствует в общем праве.

Пятое различие лежит в процессуальной природе эстоппеля: если в странах общего права существуют крупные процессуальные доктрины «judicial estoppel», «issue estoppel» и «estoppel by record», обладающие автономной силой и предот-

вращающие повторное рассмотрение вопросов, изменение позиции или отход от признанных фактов; то в российских судах процессуальный эстоппель существует, но лишь как производная от принципа добросовестности, ограничивая изменение позиции стороны, препятствуя двойственным заявлениям и запоздалым возражениям, но не имея статуса самостоятельной процессуальной доктрины. Российское правоприменение остается гибким (суды отказывают в применении эстоппеля там, где это может ограничить защиту прав стороны или нарушить права третьих лиц) и в отличие от общего права, где процессуальный эстоппель имеет свои собственные критерии, в России он продолжает развиваться как подвид материальной добросовестности.

Наконец, различие присутствует и в том, как суды трактуют связь между эстоппелем и доказыванием:

– в системах общего права бремя доказывания «reliance» и «detriment» несет сторона, ссылающаяся на эстоппель, и эти элементы рассматриваются как самостоятельные юридические факты, подтверждающие наличие доктрины;
– в российском праве суд исследует фактическое поведение сторон в совокупности: судья выстраивает причинную связь между действиями стороны и ожиданиями контрагента, не требуя формальной квалификации каждого элемента, что по сути создает практическое различие (в системах общего права доктрина состоит из этапов, каждый из которых должен быть доказан, тогда как в российской правовой системе – действует интегральная оценка поведения).

Таким образом, различия проявляются не в той логике, которую следуют суды (обе системы защищают доверие), а в юридических механизмах, через которые данная логика реализуется: если в странах общего права эстоппель – технически сложная, структурированная доктрина, то в России – инструмент конкретизации принципов. Именно это фундаментальное различие определяет развитие российской модели эстоппеля и позволяет говорить о ее автохтонности: российская модель не копирует, а воспроизводит функциональный смысл доктрины в рамках собственной правовой системы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эстоппель в системах общего и российского права при всей общности своей функциональной направленности реализуется через существенно различные правовые механизмы. В обоих правопорядках эстоппель служит средством защиты доверия, сформированного поведением стороны, и выступает пределом последующего изменения ее позиции. Однако если в системах общего права он существует как институционализированная доктрина прецедентного происхождения с устойчивыми видами, структурированной моделью доказывания и заранее заданной квалификационной логикой, то в российском правопорядке его применение осуществляется через судебную конкретизацию принципов добросовестности, запрета злоупотребления правом и правовой определенности.

Сравнительно-правовой анализ показал, что различие между сопоставляемыми правовыми системами состоит не в цели эстоппеля, а в юридической технике его реализации. В праве общего типа квалификация ситуации, как правило, предшествует анализу фактических обстоятельств и направляет судебное рассуждение в русло определенной разновидности эстоппеля. В российской правовой системе, напротив, квалификация выступает результатом оценки фактического поведения стороны, степени сформированности доверия и допустимости изменения позиции в конкретном контексте. Это позволяет говорить о формировании автохтонной российской модели эстоппеля, встроенной в систему гражданско-правовых принципов и не сводимой к рецепции англо-американских доктрин.

Важным результатом исследования является вывод о функциональной универсальности эстоппеля как механизма стабилизации гражданского оборота. Независимо от различий в источниках права, судебной технике и степени институционализации доктрины, эстоппель в обоих правопорядках выполняет общую задачу — препятствует недобросовестному и непоследовательному поведению, способному разрушить оправданные ожидания участников оборота. Одновременно установлено, что пределы применения эстоппеля в российском праве имеют более выраженную зависимость от императивных норм и публичного порядка, что подчеркивает его встроенность в континентальную модель правового регулирования.

Таким образом, эстоппель следует рассматривать не только как частный инструмент разрешения споров, но и как показатель трансформации современного частного права, в котором поведение, доверие и правовая определенность приобретают самостоятельное нормативное значение. Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным анализом отдельных направлений развития российского эстоппеля, включая его применение в корпоративных, вещных, наследственных и публично-правовых отношениях, а также с уточнением его места в системе принципов гражданского права.

Список литературы:

[1] Винокуров С.Н. Требование добросовестности в договорном праве Англии и США: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Н. Винокуров. – Москва, 2021. – 223с.

[2] Гаврилов В.Н. Эстоппель и отказ от права в российском и зарубежных правопорядках / В.Н. Гаврилов, Н.В. Терещенко, А.А. Корюкина // Юридические исследования. – 2020. – №12. – С.78-83.

[3] Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 587с.

[4] Зайцева Н.В. Формирование концепции субъективного фактора в частноправовых отношениях в законодательстве России и зарубежных государств: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Н.В. Зайцева. – Москва, 2023. – 466с.

[5] Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике РФ / А.А. Коваленко // Юрист. – 2023. – №3. – С.55-60.

[6] Роор К.А. Виды эстоппелей в российском праве и праве стран англосаксонской правовой семьи / К.А. Роор // Законодательство. – 2018. – №1. – С.59-66.

[7] Седова Ж.И. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации / Ж.И. Седова, Н.В. Зайцева. – М.: Статут, 2014. - 158с.

[8] Старицын А.Ю. Упрощенное производство в гражданском процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / А.Ю. Старицын. – Иркутск, 2023. – 235с.

[9] Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель / М.З. Шварц // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2016. – №1. – С.95-99.

[10] Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е.Е. Якушева // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т.76. – №8(201). – С.52-66.

[11] Bower G.S. The Law Relating to Estoppel by Representation / G.S. Bower, A.K. Turner. – London: Butterworths, 1977. – 426p.

[12] Cooke E. The Modern Law of Estoppel / E. Cooke. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 204p.

[13] Handley K.R. Estoppel by Conduct and Election: 2rd ed. / K.R. Handley. – London: Sweet&-Maxwell, 2016. – 458p.

[14] Holmes O.W. The Common Law / O.W. Holmes. – Chicago: ABA, 2009. – 348p.

[15] Virgo G. The Principles of Equity & Trusts / G. Virgo. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 826p.

References:

[1] Vinokurov S.N. Requirement of good faith in English and U.S. contract law: diss.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03/S.N. Vinokurov. - Moscow, 2021. - 223s.

[2] Gavrilov V.N. Estoppel and waiver of law in Russian and foreign law and order/V.N. Gavrilov, N.V. Tereshchenko, A.A. Koryukina//Legal research. – 2020. – №12. - S.78-83.

[3] Dworkin R. Empire right/R. Dworkin; per. From English - 2nd ed. - M.: Publishing House of Gaidar, 2021. - 587s.

[4] Zaitseva N.V. Formation of the concept of subjective factor in private law relations in the legislation of Russia and foreign countries: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3 ./N.V. Zaitseva. - Moscow, 2023. - 466s.

[5] Kovalenko A.A. The doctrine of “estoppel” in the context of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation/A.A. Kovalenko//Lawyer. – 2023. – №3. - S.55-60.

[6] Roor K.A. Types of estoppel in Russian law and the law of the countries of the Anglo-Saxon legal family/K.A. Roor//Legislation. – 2018. – №1. - S.59-66.

[7] Sedova Zh.I. Principle of estoppel and waiver in commercial circulation of the Russian Federation/Zh.I. Sedova, N.V. Zaitseva. - M.: Statute, 2014. - 158s.

[8] Staritsyn A.Yu. Simplified production in civil proceedings: diss.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3 ./A. Yu. Staritsyn. - Irkutsk, 2023. - 235s.

[9] Schwartz M.Z. Some reflections on the estoppel institute/M.Z. Schwartz//Information and analytical journal “Arbitration disputes.” – 2016. – №1. - S.95-99.

[10] Yakusheva E.E. The principle of estoppel in civil law as a mechanism for preventing contradictory behavior/E.E. Yakusheva//Lex Russica (Russian law). – 2023. - T.76. – №8(201). - S.52-66.

[11] Bower G.S. The Law Relating to Estoppel by Representation / G.S. Bower, A.K. Turner. – London: Butterworths, 1977. – 426p.

[12] Cooke E. The Modern Law of Estoppel / E. Cooke. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 204p.

[13] Handley K.R. Estoppel by Conduct and Election: 2rd ed. / K.R. Handley. – London: Sweet&-Maxwell, 2016. – 458p.

[14] Holmes O.W. The Common Law / O.W. Holmes. – Chicago: ABA, 2009. – 348p.

[15] Virgo G. The Principles of Equity & Trusts / G. Virgo. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 826p.